

12+

МИХАИЛ ГУДАЕВ
КАНИН – ШОЙНА
ВОСПОМИНАНИЯ

2020

Михаил Васильевич Гудаев

Канин-Шойна. Воспоминания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31724793

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-10955-1

Аннотация

Уважаемый читатель! Это книга моих воспоминаний о жизни в Заполярье, на севере полуострова Канин, в 50 – 80 годах прошедшего столетия. В этом суровом крае, на берегу Белого моря, и как многие называют это место, северной пустыне, прошли моё детство и юность. Незабываемые впечатления на всю жизнь оставили: шум моря, всплеск волн о берег, свист "пронизывающего до косточек" ветра зимой и "бьющего" тебя в лицо песком и дождём летом, красота морских простор, тундра с многочисленными озерами и ручьями, стаи перелётных птиц весной и осенью, полярный день с незаходящим круглосуточно солнцем.

Содержание

Шойна – наша малая Родина	4
Дом детства моего	8
Из воспоминаний дошкольных лет	16
Первая поездка из Шойны в Мезень	23
Шойна нашего детства	28
Мои рассказы-воспоминания о Шойне	46
Пошли рыбачить на носок	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Михаил Гудаев Канин-Шойна. Воспоминания

Шойна – наша малая Родина

Шойна, полуостров Канин. Автор фото Василий Сеньків

*Родина... Родина...
тропы оленьи...
Родина –*

в сопках родное селенье.

*Дома выбегают
к студёному морю...
Есть лучшие места
в этом мире, не спорю.*

*Есть звёзды иные,
есть скалы покруче,
есть в небе иные,
высокие тучи.*

*А здесь ни берёзки,
лишь травы густые
растут, просолённые
яростным ветром.*

*У моря
окраина милой России
последним лежит
на песке километром.*

*Родина... Родина...
тропы оленьи...
Родина –
в сопках родное селенье.*

Жители Шойны на субботнике. Автор фото Михаил Гудаев

Эту книгу я посвящаю нынешним и бывшим жителям заполярного посёлка Шойна – полуостров Канин, Архангельская область. Сам я прожил здесь более тридцати лет. На моих глазах происходили события конца сороковых, пятидесятих годов – расцвет Шойны. В те годы в этом рыбацком посёлке находилась база флота рыболовецких колхозов Архангельской области.

Жил я здесь и в шестидесятых годах, когда запретили морской промысел тресковых рыб в районе полуострова Канин и жизнь в посёлке начала затухать, люди стали разъез-

жаться. В 1965 году окончил здесь среднюю школу. В 1976 – 84 годах работал директором этой школы. Выехал из посёлка в 1984 году и с тех пор проживаю в городе Новодвинске. Для меня, как и для многих других, Шойна была и остаётся малой Родиной.

Дом детства моего

Шойна в начале 50-х годов. 1 - наш дом, 2 - маяк, 3 - столовая, 4 - продовольственный магазин

Моё первое знакомство с посёлком, в те годы становищем, Шойна, происходило летом 1948 года, когда меня в возрасте двух лет мать привезла сюда морем из поморской деревни Койда, что в Мезенском районе. Воспоминания тех далёких лет, конечно, очень туманны и не полны. И лет было малова-то, да и период времени уже прошёл большой. И всё же кое-что я помню, в том числе и из рассказов моих родных.

Шестой и седьмой бараки в Шойне

Барак – первое пристанище

Помню барак с длинным общим коридором. Бараки в те годы были довольно распространёнными жилыми зданиями для проживания людей. Таких барачков в становище Шойна было не меньше десятка. В них жили не только постоянные жители семьями, но и прибывающие для работы на обработку рыбы в летний период сезонные рабочие. Читаем в Википедии – “Барак – временное, быстро возводимое, дешёвое строение. Как правило, одноэтажное и деревянное”.

В одной из комнат барака, который располагался ближе к маячной сопке и первой базе, жила семья сестры матери Су-

санны Мироновны. Они-то нас и приютили на первое время. Нормально, у них семеро и нас шестеро. И жили. Мать всегда вспоминала об этом времени с благодарностью и говорила: “В тесноте, да не в обиде жили”. Я в те годы был ещё совсем маленький, в семье самый последний. Старшие братья и сёстры стали работать на рыбозаводе и вскоре нашей семье выделили отдельную комнатку в жилом доме. Кроме нескольких семей, живущих в этом доме, в нём располагалась пограничная часть.

Наш дом на горке, позднее названной Гудаевской. Слева здание рыбокоопы. Люди собрались на майскую демонстрацию. На крыльце узнаю мать и сестру Зосю.

Мансарда под крышей

Дом стоял в центре посёлка на песчаной горке. В годы

войны этого дома ещё не было. Его можно было считать двухэтажным. Третий первого этажа здания занимала казарма для пограничников. Пограничники тогда жили в посёлке. Весь поток приезжающих отовсюду людей шел морем, теми судами, которые швартовались в Шоинском порту. Особенно много приезжало людей на сезонные, летние работы, на обработку рыбы. Помещение казармы представляло собой одно большое помещение, без перегородок. Был отдельный вход с улицы в это помещение. Остальную часть первого этажа занимали четыре отдельных квартиры (комнаты). Сюда был отдельный вход, небольшой общий коридор, общий туалет и с коридора шла крутая узкая лестница на чердак. В этих маленьких четырех комнатах проживали вначале семьи Селиверстовых, Гайдудиновых, Немановых, Чистяковых, Баракулевых, Ханзеровых ....

“Второй этаж” – чердак здания с двумя “мансардами” под крышей здания. В одной из этих мансард первые годы и жила наша семья.

Хотя я был еще совсем маленьким, хорошо запомнил эту комнатку на чердачном помещении под двускатной крышей. В ней мы жили год, возможно больше. Вообще-то была еще такая же комнатка – мансарда, с другой стороны чердака дома. Там проживала ещё одна семья, в то время семья Головиных. Чтобы попасть в эти комнаты, нужно было подняться вначале по высокой лестнице на чердак. В комнате, помимо большого окна, меня привлекала небольшая печь, согреваю-

щую помещение. Мать постоянно хлопотала возле неё приготавливая пищу. Ведь старше меня было еще пятеро. Я любил смотреть в это единственное окно, где можно было что-то увидеть на улице. Комната в как раз находилась над казармой и на крыше тамбура, перед самым окном, был прикреплен и развевался на ветру красный флаг. Внизу, под нами жили пограничники.

Выйти на чердак из комнаты было для меня занятием не из приятных. Темные проемы между стенками комнаты и крышей, крутая лестница, идущая вниз с чердака, пугали детское воображение. Похоже, познание мира у меня началось с чердака. Чердак я конечно постепенно освоил. Заползал и в самые темные углы и выглядывал в небольшое оконце под козырьком в крыше. Долго боялся спуститься самостоятельно по крутой лестнице. А очень хотелось, ведь там был “большой мир” для меня, были еще четыре комнаты, где проживали люди, с которыми впоследствии мне предстояло познакомиться.

Помню, как один раз приезжал отец, который после возвращения с фронта постоянно лечился то в больнице города Мезени, то в Архангельске. Запомнились отцовские медали и знак “Отличный связист”, которые сохранены у меня до сих пор. В октябре 1949 года отца не стало.

Возможно приезд отца-фронтовика, а возможно то, что вскоре мать поступила на работу на рыбокомбинат, повлияло, на то, что нам выделили большое помещение казармы

на первом этаже этого дома. Пограничники к тому времени переехали в другое здание.

Наш дом на горке. Снимок сделан со стороны берега реки.

Жизнь в обустроенной казарме

Помещение казармы, которое занимали пограничники, стало для нашей семьи пристанищем на многие, многие годы. Большое, но холодное помещение, требовало ремонта и обустройства. Мне запомнилось, что в Шойне в каждом деле были свои специалисты. Сломанные стекла нам заменил Шмаков, имени, к сожалению не запомнил. Проводку для домашнего репродуктора провел Фролов Василий. Каждое

лето ремонт печей после ежедневной многоразовой топки зимой ремонтировал печник Шишкин Александр. Все они были мастерами высокого класса для того времени, с золотыми руками. У Александра Шишкина была правда одна рука, но он и одной ремонтировал печи так, как другой и с двумя руками не сделает. Люди были очень довольны его работой и спокойно переживали сильные зимние морозы. Стены здания мать конопатила сама вместе со старшими братьями и сестрами. Мать любила чистоту и порядок. Полы всегда были намыты, печи побелены. В комнате, правда кроме кроватей, стола да тумбочки в начале ничего и не было. Для меня эта комната, конечно, производила больше пугающее впечатление, особенно зимой. Но все-таки ее стены спасали от вьюг и метелей, очень сильных ветров с моря, укрывали от дождя и снега.

Вскоре сделали перегородку, и казарма превратилась в двухкомнатную квартиру. В комнатах этого дома мы прожили до 1974 года, пока не выехали в город Нарьян-Мар. К сожалению, дом этот не сохранился. В 1989 году случился пожар и от дома ничего не осталось.

Итак, моё дошкольное и школьное детство проходили уже в этом новом жилье. Я подрос и мог сам свободно выходить на улицу. Началось познание окружающего мира.

Сейчас понимаю, насколько здорово распорядилась судьба, нашей семьёй закинув сюда, в Шойну. Во-первых, это край Земли и в прямом и в переносном смысле. Во-вторых,

здесь экзотические природные особенности. В одном месте и пустыня и море и тундра. К тому же, чуть подальше на север, каменистый кряж. Здесь дни с сильными ветрами и морскими штормами осенью, песчаными бурями летом, сильными морозами и метелями зимой, вдруг сменяются днями со штилем на море, голубым безоблачным небом, приятным для ног, нагретым солнцем, песком и каким-то обманчивым ощущением, что лучше места на Земле нет. В-третьих, это место богатое и морским зверем и рыбой и птицей и грибами с ягодами, помогало выжить людям в голодные послевоенные годы.

Шойна, как своеобразный магнит, притянув однажды к себе человека, не отпускает его всю жизнь.

Из воспоминаний дошкольных лет

Я с матерью Ниной Мионовной и котом Уантием

Дошкольное детство проходило у меня, как и у других шоинских детей, в погожие дни на улице, ну а в ненастные, которых было намного больше, дома. В детский сад я ходил совсем немного. Какая была причина, не помню.

Кроме радио и книг в те далекие годы дома других источников информации не было. Небольшое окно деревянного северного домика особенно летом заменяло нам экран телевизора. Двойные рамы были изготовлены местными умельцами плотниками. Зимой стекла промерзали, и толстый слой льда был даже на внутренней части. Увидеть что-то снаружи тогда и в окно было невозможно. Приходилось пальцами отогревать стекло, чтобы образовался маленький просвет в виде кружочка наружу.

В погожие дни я гулял и играл с мальчишками и девчонками такого же возраста, как и я, на улице, возле дома. Происходило постепенное познание окружающего мира. Так что же собой представлял посёлок в те далёкие годы? Людей в Шойне было много, детей тоже.

Как и для любого другого человека, отчий дом, в котором ты жил и рос, является “центром мира”. От него я и оттапливаюсь в своих воспоминаниях.

На север от нашего дома, метрах в двухстах, река и причал, “вторая база”. У причала в летний период круглосуточно шла выгрузка рыбы и морского зверя, их обработка и затаривание в бочки. Второй причал “первая база” был расположен ближе к морю и от нашего дома виден не был.

Причалы Шоинского порта. 50-е годы. У "второй базы" стоит пароход с дымящей трубой. В реке мотобота с рыбой, которые ждут разгрузки.

К причалу “второй базы”, в как раз напротив нашего дома, пришвартовывался, приходивший с Архангельска, пароход “Канин”. Была хорошо видна его высокая труба, из которой вырывались клубы черного дыма.

Невдалеке от нашего дома, по правую сторону, стояло здание Шоинского рыбокоопа, чуть поближе к реке, продовольственный магазин.

Здание магазина. Построено ещё до войны

На крыльце магазина всегда очереди за свежим хлебом. Вместе с сестрой Тamarой, старше меня на шесть лет, я часто стоял в эту очередь. Трудно передать ощущения тех трудных лет, когда у тебя, чаще полуголодного, в руках появлялась буханка ещё тёплого хлеба.

Ещё ближе к реке, напротив нашего дома, стояло здание детских яслей. Там, где ныне стоит здание сельского Совета, был пустырь.

Строительство двухэтажного здания, где многие годы размещался сельский Совет, можно сказать, происходило на моих глазах. Строилось оно примерно в то же время, как и

двухэтажная школа. Наблюдать за строительством большого двухэтажного здания мне было интересно. Для маленького поселка строительство нового двухэтажного дома – событие.

Будучи еще детьми, мы бегали по построенному фундаменту здания, играли. В первые годы здесь размещались какие-то конторские организации рыбозавода и радиостанция тралфлота. Затем сюда перевели Сельский Совет.

У здания сельсовета в Шойне. 50-е годы

Колонна школьников готовится к демонстрации

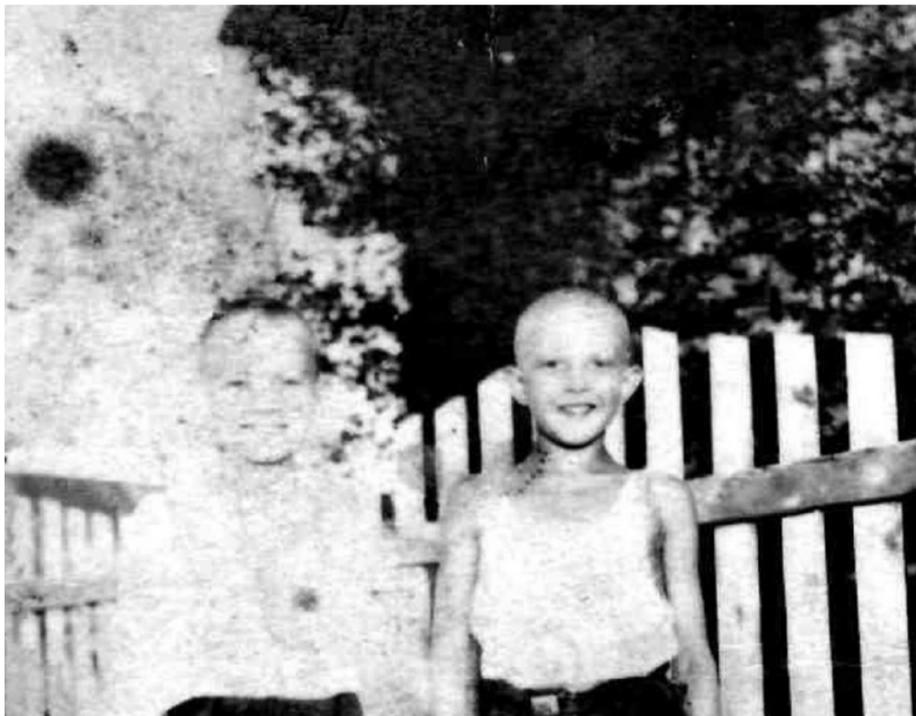
Помню майские демонстрации. Собирались работники рыбокомбината у своего административного здания, конторы. Работники других многочисленных организаций поселка возле здания сельского Совета. Учащиеся и работники школы в районе зданий школы и интерната. Затем все объединялись в одну колонну. Колонна была украшена транспарантами и флагами. В репродукторах звучала праздничная музыка. Шли по поселку обычно по улице, где были расположены здания больницы, школы, рыбокооп в сторону моря до конца улицы и обратно. Май, весна. После длительной и суровой зимы это особенно поднимало настроение людей. Для

взрослых это было событие, а для нас малышей тем более.

Отлично помню, что жилые дома окружающие наш дом с трёх сторон, кроме северной (где была сопка), строились на моих глазах. Это здание, где долгие годы жили Козьмины и Поповы и здание, в котором жили Федоровские, Суховы и другие. Чуть позднее было построено новое здание для детских яслей. Посёлок строился, и всё предвещало его дальнейшее развитие.

В школу я пошёл в 1954 году, а примерно за год до этого, в марте 1953 года, произошло событие, оставившее в памяти след на всю жизнь. Умер И.Ф.Сталин. Такого количества людей, идущих на общепоселковый митинг по этому случаю я ещё не видел. Видел много людей на праздничных демонстрациях. Но здесь, весь посёлок, от мала до велика, шёл в сторону конторы рыбозавода, где проходил митинг, чтобы отдать дань памяти вождю.

Первая поездка из Шойны в Мезень

Михаил Гудаев слева. Мезень, у дома дяди Антона. 50-е годы

Прошло семь лет нашей безвыездной жизни в далёкой заполярной Шойне. В октябре 1949 года в Мезенской больнице умирает отец, вернувшийся с войны больным. Мать не

может выехать на похороны из-за отсутствия транспорта. Отца хоронят родственники, проживающие в те годы в Мезени. Только летом 1956 года матери удается вылететь на самолёте в Мезень на могилу отца. Берёт с собой она и меня.

Остановились в Малой Слободе у материного брата Антона. Домик стоял недалеко от аэропорта в крайнем ряду к реке, как говорят “на угоре”, Набережная 39. Вдоль всего этого крайнего ряда домов и до аэропорта были настланы мосточки. На самом краю угора, в нескольких метрах от дома, стояла скамеечка. Помню, что любил сидеть на этой скамейке и любоваться окружающим миром. Внизу, чуть вдали от угора, река. За рекой рабочий посёлок Каменка со своими далеко заметными трубами. Ну и совсем рядом взлетно-посадочная полоса аэродрома с поднимающимися и садящимися самолётами.

Семья у Антона Мироновича была тоже большая пять дочерей и сын. Дом, в котором они жили, как мне рассказывали, был в своё время перевезён ещё из Койды, так называемый мироновский дом. Дом был старый, уже отслуживший своё. Антон Миронович с сыном Кимом в тот год уже начинали строить рядом новый дом. Уложенный рядом штабель очищенных от кожуры брёвен был тому подтверждением. После той поездки мне долгие годы не приходилось больше бывать в Мезени. Как шло строительство, и куда делся старый дом, я не знаю. Только когда в середине шестидесятых годов я вновь, проездом в Архангельск, побывал у них,

жили они уже в новом доме.

В том новом доме Антон Миронович с женой Ульяной Никоноровной вырастили всех своих детей, да и сами жили, пока не умерли. Понимаю сейчас, что в 1956 году мне посчастливилось повидать ещё дом моего прадеда Мирона Прокопьевича, дом в котором в Койде выросла моя мать Нина Мироновна. Жили мы у дяди Антона совсем немного, но воспоминания остались. Это был большой бревенчатый дом. Помню, что были сени, которые занимали довольно большую часть здания. В сенях была скамейка, бочка под воду и ещё много другого. Помню воду, приносили девчонки в ушате с коромыслом, дочери дяди Антона. Я ещё удивлялся: “Как же у них силы то хватает?” Но в ответ они только улыбались. Видать для них это было привычным делом. Сам ушат из дерева был уже тяжёлым, а тут ещё он был заполнен до краёв водой.

Шойна, откуда мы прилетели с матерью в Мезень, расположена километров на двести севернее. В те годы жизнь там по-настоящему кипела. Это был большой рыбацкий посёлок с многочисленными рыболовецкими судами, причалами. В Малой Слободе же жизнь, как мне показалось, была какой-то спокойной, размеренной, даже скучноватой. Малая Слобода чем-то мне напоминала деревню, показанную в фильме “Солдат Иван Бровкин”. В жилой комнате стояла огромная русская печь. Помню, что спал на полатах этой печи.

Мне рассказывала мать тогда, что спать на них было по-

лезно для здоровья. Проведённая ночь на полатах помогала избавиться от всяких простудных заболеваний. У нас в Шойне таких печей не было. Зимы были холодные, сильные северо-западные ветра выдували за ночь всё тепло из комнаты. Накрывали на себя во время сна всё, что было можно. А тут такая лафа. Теплые камни все косточки за ночь прогревали.

Для того чтобы найти могилку отца нам предстояло сходить к родственникам отца в Большую Слободу. Там после войны жил брат отца Евгений, тоже фронтовик, кавалер трёх орденов, которого уже к нашему приезду в живых, к сожалению, не было, но жила его жена Анисья. Она-то нам и показала место, где был похоронен мой отец.

Похоже, нас с матерью кто-то сопровождал из родственников, не помню уже кто, так как сами мы найти квартиру, где жила Анисья Гудаева, не могли, просто не знали. Дорога шла по мосточкам до конца Малой Слободы, затем пустырь, кладбище и наконец, Большая Слобода. Пока шли по пустырю вдоль кладбища и переходили небольшой мостик наслаждался от матери страшных рассказов про разбойников, которые нападали в старые времена на прохожих и грабили их, про волков которые охотились за зазевавшимися или пьяными людьми. На кладбище насмотрелся на огромные мраморные памятники, где часто фигурировала фамилия Окладниковых.

Были какие-то странные ощущения, как будто ты чувствуешь то прошедшее время, в которое жили эти умершие уже

люди. Всё-таки детская натура более чувствительна. Прошло столько лет, а я до сих пор ощущаю какой-то трепет в душе и волнение от увиденного тогда. Были мысли, что ты встретился с прошлым, в котором ты не жил, но жили твои предки, каждый из которых оставил свой след на этой земле. Тетя Анисья жила в Большой Слободе в квартире двухэтажного дома не одна, а вдвоём со своей матерью. В тот же день мы сходили с ней на кладбище. Анисья показала нам вначале место, где был похоронен её муж Евгений Васильевич Гудачев, а затем, и могилу моего отца.

Небольшой холмик и брусок квадратной формы высотой с метр. Помню, что нацарапали мы на том бруске фамилию и имя отца. Кладбище уже в то время было в Мезени огромным. Найти самим могилу отца в последующих поездках мы так и не смогли. Анисья с матерью вскоре переехали из Мезени в другой город, к дочери. Живым я видел отца один раз, когда он приезжал в Шойну в перерыве между больницами. Но не было мне тогда и трёх лет.

Шойна нашего детства

Шойна нашего детства

В течение нескольких лет я по крупицам собирал материалы о Шойне. Поехать в посёлок, чтобы поговорить со старожилками, уже не позволяло здоровье, да и людей тех, кто мог бы рассказать мне что-то новое уже почти не осталось. Поэтому главными моими помощниками были моя память и интернет.

У меня уже есть книги, в которых размещены некоторые найденные мною материалы по истории посёлка Шойна. Это книги: «Дороги жизни нашей», «Шойна в 1941 – 1945 годах», «Гремиха и Шойна. Два посёлка, но одна судьба», «Каннинская-Шоинская школа».

В этой книге мои воспоминания о жизни в этом заполярном посёлке и здесь же я кратко касаюсь истории Шойны конца сороковых, пятидесятих годов прошедшего столетия.

Какие же предприятия и организации были в те годы в нашем далёком заполярном посёлке Шойна?

Вторая рыбообрабатывающая база в Шойне.

Несомненно, ведущими предприятиями были Канинский рыбозавод и Канинская МРС (моторно-ремонтная станция). Канинского консервного завода в эти годы уже не было. О том, что случилось с консервным заводом, почему он перестал существовать, я слышал только отдельные разговоры, но точной информации, так и не узнал. Консервный завод был построен ещё до войны. Он выпускал консервы рыбной и другой местной продукции. В довоенные и военные годы его продукция пользовалась спросом не только на севере, но и во многих других регионах страны.

А вот Канинский рыбозавод и Канинская МРС (моторно-ремонтная станция) были тогда. Задачей Канинского рыбозавода была приёмка морской продукции (рыбы, акулы, белухи) с судов флота многих рыболовецких колхозов Архангельской области, которые вели лов в районе Канина. На двух причалах-базах эта продукция после разгрузки сортировалась, шкерилась, засаливались, затаривалась в бочки и затем отправлялась в Архангельск. Задачей Канинской МРС было обслуживание и ремонт морских судов, а также техники рыбозавода.

Затаривание рыбы в 200-литровые бочки на базе в Шойне

На рейде в районе Шойны в ожидании разгрузки выловленной в море продукции одновременно стояло несколько десятков рыболовецких судов. В летний период разгрузка с этих судов на базах рыбозавода происходила круглосуточно. Морскими судами на базу поставлялась выловленная в районе полуострова Канин треска, пикша, другие породы рыб и даже акулы.

По побережью северной части полуострова работали в летние периоды рыболовецкие станы с которых также на Канинский рыбозавод поставлялась продукция. Так, например, на стане Тарханово стрелками и гарпунщиками из Шойны, Кии, Койды, Майды и Мезени ловили белуху (северных

дельфинов) и даже китов, которые нередко заплывали в беломорскую акваторию. С других рыбных станов поставлялась камбала, морской ёрш, корюх.

В реках полуострова Канин вылавливались и ценные породы рыб – сёмга, нельма, голец, сиг, пелядь .... В зимний период рыбаки в больших количествах вылавливали и сдавали навагу и сайку. Ранней весной на прибрежном припае (неподвижный лёд вдоль берега) охотниками-промысловиками шёл отстрел морского зверя, моржей и нерп. Край наш до сих пор богат этими морскими животными.

Канинский рыбозавод (А. А. Малыгин) и Канинская МРС (Н.С. Малыгин) это названия предприятий, а сколько и каких у них было, так сказать, подразделений, цехов и зданий? По памяти могу назвать следующие.

База №1 и база №2 Канинского рыбозавода (начальники – Кузнецов и Боголепов). На этих базах кроме самих причалов с кранами, куда шла выгрузка с рыболовецких судов, было много других необходимых хозяйственных построек для переработки и хранения продукции.

Приёмка рыбы с судна на базе Канинского рыбозавода

На базах шла первичная обработка и засолка поступившей продукции: бригады рыбообработчиков шкерили рыбу, производили разделку шкур, резку мяса филе акул и белух. Рыбу и мясо морского зверя обрабатывали солью, закатывали в деревянные 200 литровые бочки. Когда приходило рефрижераторное судно, на него сдавали выработанную продукцию и отправляли в Архангельск. Все отходы после обработки рыбы и акулы спускали с причалов в реку. Именно поэтому районы реки возле причалов были богаты корюшкой, камбалой и другими породами рыб. Здесь было раздолье для любителей порыбачить на удочки и донки. За несколько часов рыбалки на удочку здесь можно было поймать до сотни корюхов.

Приёмные пункты рыбозавода были также организованы в таких населённых пунктах полуострова, как Торна, Чижа, Несь, Губистая ....

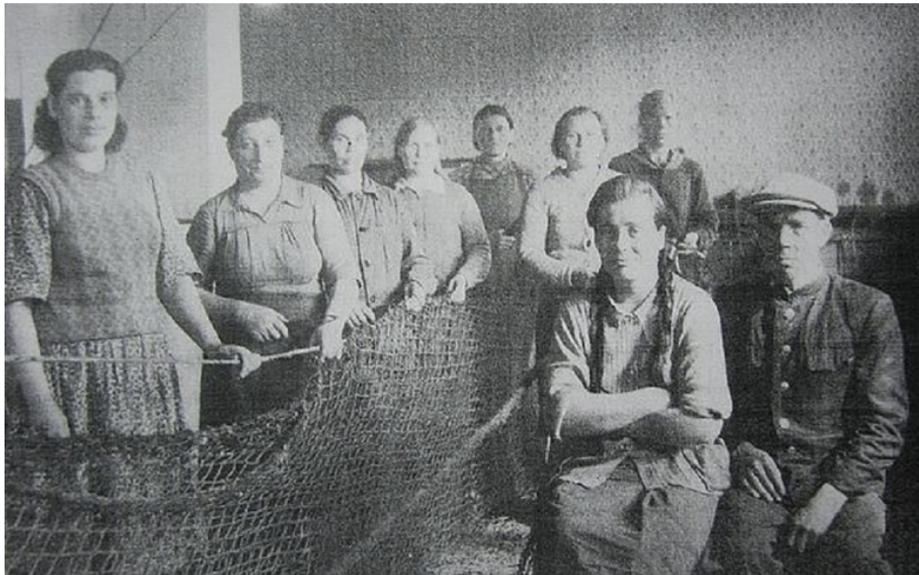
Кроме этих двух рыбообрабатывающих баз в посёлке был целый ряд зданий относящихся к рыбозаводу и моторно-рыболовной станции. Здания (цеха) механических мастерских, кузницы, сетевязки, бондарного цеха, электростанции и других.

В слесарных мастерских

Кузнецы Григорьев Василий Фёдорович и Зезегов Виталий Григорьевич

В сетевязке. Начало 50-х годов

Бандарный цех, где изготовляли бочки под рыбпродукцию

При Канинском рыбозаводе была строительная организация (прораб Н.Я. Богданов). Она занималась строительством производственных зданий и жилых домов в посёлке. Помню, что в посёлке в те годы были построены два ряда красивых новых двухквартирных домиков (там жили Мезенцевы и другие). Этот район посёлка до сих пор носит название “Богдановского”, хотя на сегодня из построенных в те годы домов почти ничего не осталось. Колодец, где брали воду жители ближайших домов, так и назывался “Богдановским”. Работал кирпичный завод на местном сырье. Было подсобное хо-

зьяйство, где выращивали свиней.

На территории посёлка был также рыболовецкий колхоз «Красный промышленник». В северо-восточной части Шойны был целый отдельный посёлок, который так и назывался “Колхозный”. Колхозники занимались выловом наваги в зимний период, охотой, держали связь с оленеводами и через них снабжали олениной местных жителей. В посёлке был крупный рогатый скот, лошади. Для лошадей большое здание конюшни в районе аэродрома. Лошадей было много, так как в зимний период на них вывозили на материк выловленную рыбу. Целые караваны загружались мороженой рыбой и по зимнику доставляли рыбу в Мезень, обратно везли продукты, почту, и людей. В двух местах стояли оленеводческие стойбища. Одно вблизи посёлка, в сторону воинской части “Сопка”, другое в районе дальнего аэродрома. Помню, как ходили с матерью к оленеводам покупали мясо оленину.

Забойка оленей. Римских Леонид Григорьевич - председатель Шоинского рыбокооп. Идёт приёмка мяса оленины

В Шойне работало рыболовецкое кооперативное общество потребителей – Шоинский рыбокооп. (Н.Е.Бурдигов, Л.Г.Римских). Предприятия, организации и местное население обслуживалось рыбокоопом продуктовыми и промышленными товарами. Кроме конторы рыбокоопа в посёлке были складские помещения, два продовольственных магазина, магазин промышленных товаров, ларёк торгующий овощами и фруктами, столовая, пекарня, склад с горючим, в котором я, как и другие односельчане, много раз покупал керосин для лампы и керогаза. Продукция в Шоинской рыбокооп

доставлялась с Архангельска и Мезени наземным и морским транспортом.

Продовольственный магазин тех лет. Продавец Ботыгина

Заведующая столовой - Вера Петровна Лиханова (первый ряд слева)
с работниками столовой. Шойна 1956 год

Кормил нас не только магазин, но и столовая. В столовую Шоинского рыбокооп приятно всегда было зайти. Зал представлял большое, светлое помещение. Здесь нас встречали ароматы приготовленных блюд, улыбки и доброжелательность поваров и работников кухни. Помню в детстве не раз приходил сюда за супом или борщом с бидончиком. Дома все на работе, готовить некому было. Запомнились столовские блинчики и зразы, не знаю почему.

В посёлке работали две радиостанции. Радиостанция Министерства связи и береговая радиостанция Архангельского

Управления тралового флота для связи с морскими судами. Помню, что одна из радиостанций располагалась в домике, стоящим по ряду вместе с домом, где последние годы жила семья Гирфановых. Вспоминается рассказ о задержанном радисте на этой радиостанции, который в годы войны делал наводку немецких самолётов на посёлок. Фашистов интересовал рыбозавод, который снабжал фронт рыбными продуктами. Радиостанция тралфлота находилась в новом здании, куда, чуть позже был переведён сельский Совет.

Дети Шойны 50-х годов возле клуба, среди них много моих одноклассников

В отдельном здании в посёлке была больница, с набором всех необходимых помещений и специалистов. Лежал в этой больнице с бабушкой Еленой Александровной, будучи ещё в дошкольном возрасте. В одном из жилых зданий посёлка размещалась аптека.

Образование дети получали в двух школах: школе для поселковых детей (русской) и школе с пришкольным интернатом для детей, кочующих оленеводов (ненецкой). В клубе Рыбников посёлка взрослые и дети смотрели киносеансы, здесь проходили все массовые мероприятия с жителями Шойны (концерты, лекции и т.д.). В посёлке работали две библиотеки поселковая и школьная. Сразу после войны было достроено здание детского сада. Помню большое здание бани с мужским и женским отделениями. Здание бани, к сожалению, сгорело где-то в начале шестидесятых годов.

Просто перечислю ещё и другие организации, которые работали в те годы в Шойне: отделение связи и сберкасса, метеостанция, маяк.

Мои рассказы- воспоминания о Шойне

Пошли рыбачить на носок

Посёлок Шойна, река и море

“Пошли рыбачить на носок” – так говорили шоинские ребята друг другу, собираясь на рыбалку.

“Носок” – это выступ берега, с одной стороны омываемый водами реки, а с другой морем. Для рыбалки этот выступ берега был очень удобным. Размер его особенно увеличивался в малую воду.

Именно здесь “на носке”, немного поближе к поселку, любители рыбной ловли, детвора и взрослые, проводили часами время за самым увлекательным занятием – рыбалкой.

На рыбалку шли с утра пораньше, поэтому с вечера старались все приготовить: навязать крючки, накопать червей на наживки, приготовить сапоги и одежду....

В основном здесь рыбачили на донки. Донка, своеобразная рыбная снасть. Палка с одним заостренным концом, который втыкался в грунт берега возле воды. На другой конец привязывали и затем накручивали леску, столько, сколько можно было забросить. На последние метры навязывалось на коротких кончиках лески до десятка крючков и на самый конец грузило, удобное для забрасывания донки.

Наживкой чаще служили черви, нарытые на отливной речной полосе. Находили их по дырочке в песчаном грунте. Копнув поглубже штыковой лопатой, извлекали их из грунта и укладывали в баночки. Нескольких червей длиной от 15 до 20 сантиметров вполне хватало на одну рыбалку. Но когда не было червей, в ход шла корюшка, селедка, кусочки птичьего мяса.

Весной рыбачить начинали, как только проходил основной ледоход. Часть льдин еще долго носило с моря в реку

и обратно, однако рыбалке это не мешало. Просто вода была еще холодная, и клев был неважным. Чтобы сильно не замерзнуть на берегу жгли костры.

Самый разгар рыбной ловли конец мая – начало июня. Рыбаков тогда полный берег, у каждого не по одной донке.

В основном попадала камбала или речная, с темными пятнами на спине, или морская, с красноватыми пятнами на спине. Особенно морская камбала была крупной и упитанной. Одной камбалы хватало на сковороду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.